
БЛАГОМИР ГРИНЬКОВ
КОРОЛЕВСКИЕ
ШАЛОСТИ
ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Благомир Гриньков

КОРОЛЕВСКИЕ ШАЛОСТИ

«Автор»
2026

Гриньков Б. Ю.

КОРОЛЕВСКИЕ ШАЛОСТИ / Б. Ю. Гриньков — «Автор», 2026

Что остаётся от человеческого величия, когда исчезает власть над другими и начинается суд собственной совести?Версаль Людовика XIV- блистательное царство золота, придворных церемоний, утончённых страстей и тщательно скрываемого нравственного разложения. Здесь человек возводит собственное тщеславие в достоинство, желание обладать- в любовь, а способность повелевать- в доказательство духовного превосходства. Однако за великолепием Короля-Солнца постепенно раскрывается трагедия сознания, подчинившего себе целое государство и утратившего власть над самим собой. Таинственные отравления, предательство любимой женщины и беспощадный внутренний собеседник Лютен становятся ступенями мучительного самопознания.«Королевские шалости»- историко-философская повесть о метафизике власти, природе ложного «я», нравственной ответственности и неизбежном столкновении человеческого величия с вечностью. Перед Вами история о том, как абсолютная власть становится совершенной формой внутреннего рабства.

© Гриньков Б. Ю., 2026
© Автор, 2026

Благомир Гриньков
КОРОЛЕВСКИЕ ШАЛОСТИ

Версальский дворец пробуждался, словно старинная арфа, которой коснулся первый луч солнца. Золото рассвета скользило по лепным фасадам и зеркальным стёклам, заставляя колонны мерцать, а ангелов на карнизах — оживать в янтарной тишине. В лёгком дыхании утреннего ветра колыхались шёлковые портьеры, как будто сами стены шептали о былых балах и тайных поцелуях. Фонтаны далеко в парке звучали приглушённым эхом, будто скрипка где-то в далеко мягко рождала ноту за нотой.

Но за этой утончённой симфонией света и формы, как и прежде, скрывалась тонкая, почти незримая тень — тень, что живёт между мгновениями, прежде чем день родится окончательно. Это была не тьма, нет — скорее память, дыхание ночной тайны, эхо того, что так и не было понято до конца.

В роскошных покоях королевской опочивальни, под тяжёлым балдахином, украшенным лилиями Бурбонов, покоился король Людовик XIV. Его называли Король-Солнце, ибо весь блеск двора вращался вокруг него, подобно планетам вокруг светила. Но сейчас, в сумрачной тиши предрассветного часа, Король-Солнце лежал одиноко, и лишь дрожащий огонёк свечи отбрасывал на стену длинную причудливую тень. Тень повторяла очертания самого короля, но была тоньше и извилистее – словно некий изящный философ в тёмном плаще застыл рядом с королевским ложем, склоняя голову набок в задумчивости.

Король открыл глаза ровно в тот миг, как дверь тихонько приотворилась. Первый камердинер просунул голову и почтительно произнёс:

— Ваше Величество, пора вставать.

Людовик приподнялся, и тут же в полумрак спальни хлынули слуги и приближённые – как ручьи талой воды, устремившиеся после зимнего плена. Началась церемония утреннего пробуждения. Десятки придворных, удостоенных чести присутствовать при пробуждении короля, теснились у порога спальни. С важным видом они входили по одному, каждый в строго определённом порядке, словно актёры тщательно разученного спектакля.

У изголовья уже ожидали Первый лекарь и Первый хирург – по ритуалу им надлежало справиться о здоровье монарха, прежде чем начнутся дальнейшие действия. Людовик кивнул им рассеянно: здоровье у него сегодня было в полном порядке, по крайней мере телесное. Душевное самочувствие Его Величества оставалось вне круга придворных забот — невидимо для взглядов, теряющихся в кружевах этикета и шелесте шелков. Лишь одна странная тень, укрывшаяся в полумраке угла, казалась внимательной. Она не суетилась, не кланялась, не издавала ни звука — но именно она, возможно, одна во всём Версале знала: король страдает. И, быть может, только она одна хотела это знать.

Начался великий утренний туалет. Камердинеры подали королю тёплое влажное полотенце для лица. В этот момент в спальню начали впускать высокопоставленных вельмож – герцогов, графов, министров, приближённых к особе. Каждый из них ощущал себя избранником судьбы, получившим право лицезреть, как король умывается и одевается. Кто-то старался выглядеть бесстрастно, кто-то – преисполненным почтения, но едва ли не все сгорали от тщеславного удовольствия. Людовик чувствовал эти взгляды на своей спине точно тёплое дыхание. Он знал, что для них он – земное светило, и даже самая малая его шалость становится для придворных событием.

Король позволял слугам омывать своё лицо и руки, терпеливо подставлял подбородок брадобрею, снимавшему утреннюю щетину. Рядом, склонившись с расчёской и лентами, ожидал королевский парикмахер – готовый пригладить чёрные кудри Его Величества и водрузить на царственную голову пышный парик, завитый по последней моде. Придворные взирали на

эти скромные действия как на священнодействие. Маркиз де Бельшер, немолодой уже вельможа с пышным собственным париком, перегнувшись через плечо соседа, старался не пропустить момент, когда король наденет парик и волосы Его Величества, пусть даже искусственные, ниспадут на спину величественным каскадом. Рядом с маркизом, приподнявшись на цыпочки, чтобы лучше видеть, молодой виконт д'Армансон даже раскрыл рот от благоговения: ему впервые довелось присутствовать при lever du roi – утреннем пробуждении короля – и зрелище брадобрейства монаршей щетины, снимаемой бритвой, казалось ему вершиной жизненных впечатлений.

Людовик искоса наблюдал эту картину в большое зеркало, пока брадобрей орудовал лезвием. Зеркало, оправленное в золото, отражало блестящую процессию у него за спиной: десятки лиц, вытянувшихся в подобострастной улыбке, десятки пар глаз, горящих честолюбием. Едва уловимо король усмехнулся. Он любил порядок и ритуалы, но порой вся эта свита напоминала ему театр марионеток, где каждым движением заправляет этикет. "Сто человек, – подумал он, – не отрываясь смотрят, как я пью утренний бульон, и считают это высшим счастьем. Что ж, пусть. Так утверждается власть – видимостью величия и незыблемостью обряда."

– А в чём истинная власть, как полагаешь, Людовик? – вдруг прозвучал тихий насмешливый голосок поблизости.

Король вздрогнул и оглянулся, но за спиной его были лишь толпящиеся придворные. Никто не посмел бы задать ему подобный вопрос вслух. Людовику показалось, что голос прозвучал внутри его головы – отчётливо, с легкой иронией.

Он узнал этот голос – вернее, догадался, чей это шёпот. Уже не впервые в такие минуты к нему являлась странная мысль, говорящая как бы со стороны. Людовик прозвал про себя этот внутренний голос тенью и дал ей имя- Лютен, его невозможно отогнать никаким королевским указом. Теньявлялась всегда незримо, словно тёмное отражение его самого. Король сделал глубокий вдох и выпрямился; слуги как раз поднесли ему расшитый золотом камзол.

– Истинная власть – в подчинении, – мысленно ответил Людовик своему невидимому собеседнику, стараясь сохранить на лице спокойствие. – Гляди: все они подчинены мне. Каждый взгляд устремлён на меня и ловит малейший знак моего благоволения. Разве не в этом сила?

– Подчинены ли? – прошелестел ответ с оттенком сарказма. – Или лишь разыгрывают поклонение, преследуя свои цели? Твоя власть, мой король, – лишь привычка и церемониал. Стоит солнцу закатиться, и все они разойдутся по углам, судача о тебе злым шёпотом. Разве это истинная власть над душами?

Людовик почувствовал укол раздражения. Конечно, это снова заговорила его собственная Тень – назойливый внутренний оппонент. Король едва заметно дёрнул уголком рта, сдерживая недовольство. В эту минуту герцог де Лаваль, выпятив грудь колесом, удостоился чести поддержать королевский рукав, пока Его Величество просовывал руку, а граф де Монбризон одновременно накинул на плечи короля атласный кафтан. Каждый придворный ловил возможность прикоснуться к особе монарха – пусть даже лишь к краю рукава.

– Есть ли у меня истинная власть над душами? – подумал Людовик, отвечая внутреннему голосу, пока камердинеры застёгивали на нём драгоценные пуговицы. – Я король, помазанник Божий, и власть моя – от Бога. Значит, она истинна. Народ верит, что король правит по милости небес… или по крайней мере должен верить.

Тень фыркнула еле слышно:

– Сомневаюсь, что все твои подданные заняты сейчас благочестивыми мыслями о помазаннике Божьем. Некоторые, может статься, думают, как бы выпить за твое здоровье побольше вина или получить должность повыгоднее. Что ж, продолжай, король: убеждай себя, что они преклоняются пред тобой от чистого сердца, а я позволю себе усомниться.

Людовик незаметно нахмурился. Камердинер тем временем поднёс на серебряном подносе миску ароматного бульона – лёгкий утренний завтрак Его Величества. Король сел на край постели и медленно пригубил несколько ложек. Придворные смотрели, как он пьёт, точно дети, наблюдающие ритуал искусного фокусника.

Проглотив несколько тёплых ложек навaристого бульона, Людовик ощутил прилив бодрости. Он отставил миску – знак того, что насытился. Слуги тут же отступили на шаг, а по рядам придворных пробежал почтительный шёпот восхищения: король отведал суп с видимым удовольствием – верный признак, что день начался удачно.

Людовик поднялся на ноги, полностью одетый, осыпанный пудрой и духами, сверкающий, словно боевой конь в парадной сбруе. Лицо его вновь застыло в величавом спокойствии. В конце концов, сомнения – удел простых смертных, а не величайшего государя Европы. Король решительно отогнал от себя настырный шёпот мыслей. Пора было явить себя двору официально.

К этому времени вся свита уже выстроилась в покорном ожидании. Каждый придворный застыл, потупив глаза, готовый сопровождать монарха в следующем акте ежедневного действа. По знаку короля створки двери распахнулись, и Людовик XIV выступил из опочивальни. Ковровая дорожка тянулась через анфиладу зал, ведущих к Большим покоям.

Король-Солнце величественно двинулся вперёд. За ним, подобно сияющему хвосту кометы, последовала процессия приближённых. Стоило Людовику появиться на пороге Зеркальной галереи, как по рядам придворных, толпившихся вдоль стен, пронёсся восторженный вздох. Дамы, сияя бриллиантами и утренними улыбками, делали глубокие реверансы, а мужчины кланялись до самого пола, взмахивая шляпами с плюмажами. Солнце королевской власти взошло – день начал свой блеск.

Людовик шёл через сверкающую галерею неспешно, позволяя каждому насытиться его присутствием. Некоторые смельчаки – пользуясь случаем – спешили подать королю записки с прошениями или шепнуть пару слов на ходу. Память у Людовика была отличная: он воспринимал эти обращения и затем, бывало, исполнял нужное. Монарх едва заметно кивал в ответ на поклоны. Лёгкая довольная улыбка тронула его губы: вид стольких людей, стремящихся привлечь его внимание, опьянял. В такие мгновения он ни на миг не сомневался в прочности своей власти.

В конце галереи распахнулись створки придворной церкви. Король занял своё место на возвышении королевской ложи. Внизу, в просторном нефе, замерли сотни придворных, поспешивших последовать за монархом. Началась утренняя месса. Высоко под сводами раздался ангельский хор, исполнявший новое сочинение маэстро Люлли. Сквозь разноцветные витражи лился мягкий свет. Золотые нити на камзоле короля и драгоценные украшения придворных отливали красными и синими искрами.

Людовик перекрестился и опустил голову. Молитвы шли своим чередом, но король вновь почувствовал себя рассеянным. Его мысли всё ещё кружили вокруг дерзких вопросов, брошенных Тенью. Под величественное эхо латинской молитвы он уловил тихий внутренний шёпот:

– Душа… А помнишь ли ты о собственной душе за ежедневной суетой, мой король?

Людовик замер. Священник на алтаре монотонно возносил молитву, придворные чинно склонялись, повторяя “Аминь”. Никто, кроме него, не мог слышать этих слов. Голос между тем мягко продолжал, обращаясь прямо к его сердцу:

– Ты держишь в своих руках судьбы миллионов людей. Но хозяин ли ты своей собственной душе? Или она ускользает от тебя сквозь пальцы, пока ты занят мирскими играми?

Король сжал губы. Сейчас было неподобающе спорить с самим собой – он стоял в церкви, перед ликом Всевышнего. Однако разве не здесь место думать о душе? Людовик попытался сосредоточиться на службе, но слова Тени ложились на сердце, как капли расплавленного свинца.

– Ты король, но ты и человек, – шептала Тень, и Людовику чудилось, будто один из сумрачных углов капеллы шевельнулся, обретая силуэт. – О человеке-то многие забыли. Годы идут, страсти пылают, власть пьянит… но за всем этим – пустота, которую однажды почувствуешь и ты.

Людовик прикрыл глаза, словно погружаясь в молитву, и внутренне возразил:

– Пустота? Нет во мне пустоты. Я исполнен дел, забот, планов. Я строю дворцы, веду войны, прославляю Францию. Это и есть полнота и величие жизни короля.

В ответ послышался печальный смешок:

– Да, ты громко трубишь о своей славе и делах… Но стоит ли эта игра свеч? Как же твоя вечная душа позабытая за всем этим королевским маскарадом? Отчего же тогда порой по ночам тебя гложет одиночество – словно червь внутри райского яблока?

Король вздрогнул от меткого образа. Он не желал этого признавать… но бывало. Случалось проснуться средь ночи в роскошном ложе, в тревоге глядя в лепной потолок, не в силах сразу понять, кто он – человек или титул? И чувствовать внезапную тоску, словно вокруг никого нет и не будет – хоть вокруг и целый дворец слуг. Но Людовик всегда отгонял такие состояния, читая молитву или приказывая слугам подать вина. Это всего лишь ночная хандра.

Он упрямо повторил мысленно:

– Я не одинок. Меня окружает весь двор, моя семья, моя фаворитка, министры… Я – центр этого мира.

Даже для самого себя его внутренний голос теперь прозвучал не столь уверенно, как раньше.

Тень умолкла, оставив Людовику звенящую тишину в душе. Король очнулся от раздумий, лишь когда хор возвестил конец мессы. Он поспешно перекрестился, возвращаясь к привычной роли.

Служба завершилась, и придворные повалили к выходу. Людовик встал, приняв положенные почести, и проследовал обратно в свои покои. Впереди ждало очередное действо дня – заседание Совета, где решались государственные дела. Король вновь обрёл на лице непроницаемую маску спокойной важности. Никто не должен был знать, какие бурные мысли только что волновали его сердце. Да и едва ли кто заметил бы: все слишком привыкли видеть в нём не человека из плоти и чувств, а живое воплощение королевской власти.

II.

Король вошёл в свой рабочий кабинет, примыкавший к опочивальне, и уселся во главе длинного стола, за которым уже собрались несколько важных сановников. Бархатные портьеры приглушали утренний свет, на столе тихо потрескивали свечи в серебряных канделябрах. Начиналось заседание Совета – священный ритуал власти, когда под председательством Людовика решались судьбы королевства. Министры почтительно привстали при его появлении.

— Господа, приступим, – спокойно молвил король, устраиваясь в высоком резном кресле.

Речь в зале зазвучала, как хорошо смазанный механизм. Канцлер открыл обсуждение, финансовый контролёр принялся зачитывать отчёт о доходах казны, военный секретарь заговорил о положении дел на границе. Король слушал привычные речи, сохраняя на лице лёгкое выражение внимания. Временами он кивал или вставлял короткое: «Да, хорошо» там, где требовалось. На вид он был воплощение сосредоточенного и мудрого правителя.

Но в действительности мысли Людовика блуждали далеко от цифр и рапортов. Левой рукой под столом он нащупывал кончиками пальцев небольшой сложенный листок – ту самую таинственную записку, что была сунута ему кем-то из придворных во время шествия через Зеркальную галерею после мессы. Король обнаружил её всего несколько минут назад, перед

самым Советом. Она не была похожа на обычное прошение: не запечатанная, без указания отправителя. Развернув листок, Людовик прочёл торопливо нацарапанные строки, от которых у него похолодело внутри:

“Берегитесь яда, что скрыт под сладким смехом. Близко от вашего сердца зреет измена. Тень вокруг вас знает больше, чем свет при дворе.”

Ни подписи, ни имён – одни намёки. Но смысл пронзал сердце: где-то совсем рядом с королём – измена и яд. “Близко от сердца”… Кто же это может быть? Людовик машинально бросил взгляд на сидящих за столом министров. Вряд ли кто-то из них дерзнул бы на подобное – слишком лояльны. Да и сладкий смех скорее наводил на мысль о женщине. Близко от сердца короля – кто? Королева Мария-Терезия? Она кротка и благочестива, трудно представить её замешанной в чём-то подобном. Фаворитка? Мадам де Монтеспан? Но это немыслимо… Атенаис души в нём не чает, ревнива – да, вспыльчива – да, но чтоб яд? Король отогнал эту мысль как нелепицу, но тревога уже закралась в его сердце.

Людовик незаметно сжал записку в ладони, чувствуя, как шуршит бумага. Грудь наполнилась беспокойством, хотя лицо оставалось величественно-спокойным. Меж тем доклад министра тянулся монотонно, перечисляя суммы и статьи расходов. Цифры расплывались перед глазами короля, тогда как зловещие слова записки ясно горели в памяти.

— “Тень вокруг вас знает больше, чем свет при дворе,” – повторил он про себя странную фразу. Какая тень? Не та ли, что разговаривает с ним в мыслях? Или имеется в виду нечто иное – некий тайный заговор во дворце?

— Ваше Величество… позвольте узнать ваше мнение… – голос финансиста Колбера вдруг ворвался в мысли короля.

Людовик очнулся и увидел, что все взгляды в зале обращены на него. Господин Колбер, нахмурившись, ждал ответа на какой-то вопрос о новом налоге. Некоторые министры с лёгким удивлением переглядывались: король, похоже, отвлёкся – редкое дело.

— Как сказано, так и быть. Окончательное решение – на следующем заседании, – чётко произнёс Людовик, скрывая заминку. – На сегодня достаточно.

Министры облегчённо закивали, принимая волю монарха. Никто не смел показать, что уловил рассеянность Его Величества. Людовик, отдав ещё пару кратких распоряжений, поспешил завершить Совет раньше обычного, сославшись на лёгкую усталость. Сановники почтительно откланялись, а король остался один в тишине кабинета, сжимая дрожащими пальцами таинственную записку.

В камине тихо потрескивали дрова. По стенам плясали тени от языков огня. Внезапно огонёк свечи в золотом канделябре дрогнул на сквозняке, и королю почудилось, будто одна из теней у камина шевельнулась и приобрела человеческий облик.

— Ну что, Людовик, встревожен? – раздался знакомый насмешливый шёпот.

Король бросил записку на стол и проворно поднялся, быстро расходясь по комнате. Он мрачно смотрел под ноги, лишь бы не встречаться взглядом с пустым пространством, где ему мерещился силуэт.

— Пустые козни, – тихо проговорил он, – Кто-то хочет смутить мой разум. А я не поддамся.

Тень как будто скрестила руки на груди – по крайней мере, Людовику пригрезилось именно так. В голосе её звенело сомнение:

— Не поддашься? Да ты уже бегаешь глазами. “Близко от сердца зреет измена” – кольнула же тебя эта фраза?

Людовик остановился у камина, упёршись рукой в мраморную полку. Тепло огня грело ладонь. Он прошептал сердито:

— Мало ли завистников вокруг. Записка может быть злой шуткой. Я не стану подозревать тех, кто мне предан.

— Предан? – протянула Тень с ударением. – Кто же это предан тебе беззаветно? Перечисли. Министры? Они служат тебе из честолюбия и страха. Придворные? Пресмыкаются, но за глаза перемывают косточки. Жена? Ты отверг её ради любовницы, и бедная королева одинока. Фаворитка? Она любит тебя, говоришь? Или любит власть и преференции, которые даёт твоя любовь?

— Замолчи Лютен! – отрывисто бросил Людовик, вспылив и сжав кулак. Сердце его екнуло от боли при словах о королеве. Мария-Терезия и впрямь терпеливо сносила все его увлечения, никогда ни в чём ему не переча. Он почти позабыл о ней, полагая, что она довольна ролью матери наследника да церемонной супруги. Неужели она несчастна?.. Но сейчас не о ней.

Король устало опустился в кресло у камина, прикрыв глаза.

— Что ты предлагаешь? – спросил он мысленно у назойливого голоса уже тише. – Всех и каждого подозревать? Так и с ума сойти недолго.

Тень не сразу ответила. Лишь пламя потрескивало в внезапно наступившей тишине. Королю послышались мягкие шаги по ковру – будто кто-то вышел из полумрака и приблизился. Наконец голос раздался почти у самого уха, доверительно:

— Нет, не всех. Но и закрывать глаза нельзя. Посмотри правде в лицо: вокруг тебя могли завестись козни – плод твоего же двора. Ты взрастил в людях пороки, потакая их слабостям, а теперь пожинаешь плоды.

Людовик вздрогнул и вскинул голову.

— Я взрастил пороки? – прошептал он возмущённо. – Я желал лишь величия Франции и славы короны! Да, мой двор пышен и роскошен – такова природа величия, внушающего трепет. Разве я не поощрял науку, искусство, добродетель? Разве священники не обласканы мной? Откуда же пороки?

Тень тихо хмыкнула:

— Где роскошь без меры, там пороку раздолье. Ты держишь дворян при себе, чтобы не бунтовали вдали. Но праздность и борьба за твое внимание породили зависть, распущенность, алчность. Интриги для них – словно игра. Неудивительно, если в этой игре кто-то додумался и до яда…

Король почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он не мог отрицать: при дворе интриги – дело обычное. Дворяне плели заговоры друг против друга, травили соперников сплетнями, соревновались в роскоши. Но яд… это уже преступление против самой монархии. Неужто осмелятся?

Внезапно раздался осторожный стук в дверь. Людовик мигом выпрямился.

— Войдите, – приказал он, вернув себе повелительный тон.

В приоткрытую дверь заглянул капитан королевской гвардии, маркиз де Лофер.

— Сир, простите за беспокойство… – начал он нерешительно. – Господин де Ларэни, начальник парижской полиции, умоляет о тайной аудиенции. Говорит, дело крайне срочное и касается безопасности Вашего Величества.

Людовик переглянулся сам с собой в зеркале напротив. Вот и подтверждение: если уже сам шеф полиции спешит с такими словами, значит, записка – не просто бред.

— Пусть войдёт немедленно, – приказал король.

Маркиз де Лофер скрылся, а через минуту в кабинет скользнул человек средних лет, мрачный и усталый – Никола де Ларэни, лейтенант парижского сыскного управления. Он верой и правдой служил короне, разгадывая самые скользкие дела. Сейчас господин де Ларэни был бледен, под глазами залегли тени бессонной ночи. При виде Людовика он низко поклонился и осторожно притворил за собой дверь, оставаясь наедине с королём.

— Говорите, месье, – торопливо произнёс Людовик. – Что случилось?

Ларэни сжимал в руках шляпу так крепко, что суставы побелели. Его голос прозвучал глухо:

— Сир, простите за смелость явиться без доклада… Но открылись страшные вещи. Я бы не посмел тревожить Вас, если бы угроза не касалась лично Вашей персоны.

Сердце короля ёкнуло, но лицо он сохранял непроницаемым.

— Мне угрожает опасность? – спросил он негромко.

— Боюсь, что да, Сир, – кивнул Ларэни, глядя прямо в глаза королю. – Нашему сыску стало известно о существовании тайного сообщества отравителей среди высшего света. В последние месяцы в Париже и… – он запнулся, – даже в самом Версале происходили загадочные смерти. Несколько аристократов внезапно скончались, и врачи бессильны объяснить причину. На днях в руки полиции попала некая гадалка и торговка зельями, известная как мадам Вуазен. Под пытками она начала давать показания… и назвала имена, Сир. Имена высокопоставленных персон, покупавших у неё яды и приворотные средства.

Людовик почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Он тихо опустился обратно в кресло.

— Продолжайте, – выговорил он, нахмурившись.

— Среди названных персон, – Ларэни тщательно подбирал слова, – имеются и те, кто приближен ко двору. В том числе… – он сглотнул, – дама очень высокого положения.

Король молчал, боясь спросить имя. Полицейский шагнул ближе и понизил голос почти до шёпота:

— Маркиза де Монтеспан упоминалась в признаниях, Сир.

Людовик вскочил, будто ужаленный.

— Не может быть! – воскликнул он.

Эхо его голоса ударило в мраморный камин. Ларэни тут же пал на одно колено:

— Сир, я сам не хотел верить. Возможно, эта ведьма Вуазен оговаривает невиновных, плетёт небылицы… Но она утверждает, что по приказу мадам де Монтеспан готовила для неё приворотные порошки, а также… – он запнулся, – проводила чёрные мессы, чтобы обеспечить любовь Вашего Величества к маркизе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.